Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Еп. Иоанн (Соколов)

О промысле Божием: Мысли из лекций, читанных студентам XXVI курса санкт-петербургской академии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1876. № 5-6. С. 554-563.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

О промыслѣ Божіемъ: мысли покойнаго преосвященнаго Іоанна, епископа смоленскаго, бывшаго ректора и профессора въ нашей академіи.

(Изъ лекцій [1]) читанныхъ студентамъ XXVI курса с.-петербургской академіи.)

Идея божественнаго промысла состоитъ въ томъ, что Богъ, обнимая міръ Своимъ промысломъ, не только сохраняетъ, но и направляетъ его къ извѣстнымъ цѣлямъ. Чтобы уяснить эту идею, нужно знать, что промыслительное дѣйствіе божественное — не физическое, а нравственное, не механическое, но свободное и разумное; свободное, потому что Богъ не стѣсняется никакими внѣшними вліяніями со стороны міра; разумное,—потому что предполагаетъ цѣль; оно не есть дѣйствіе внѣшнее, но есть дѣйствіе внутреннее, которое раскрывается въ жизни существъ; не есть формальное, но духовное, которое даетъ духъ, силу и жизнь. Понятіе о промыслѣ соединяетъ понятіе объ умѣ, который даетъ разумную идею всему, о волѣ, которая стремится осуществить эту идею, и о силѣ, дѣйствительно осуществляющей эту идею. Но этимъ понятіемъ не исчерпывается еще вполнѣ идея промысла. Она получаетъ свою законченность въ христіанствѣ, которое придаетъ ей особый характеръ, указывая на безконечную любовь Промысла въ искупленіи, въ обновленіи человѣчества и возведеніи его къ высшимъ степенямъ совершенства. Дѣйствительность идеи божественнаго

---

[1]) Въ настоящую статью вошло цѣлыхъ четыре лекціи: значитъ запись ихъ необычайно коротка. *Ред.*

промысла доказать не трудно. Можно представить логическія основанія для этой идеи. Прежде всего нельзя не признать, что міръ, въ цѣломъ своемъ составѣ, долженъ выражать какую-либо идею: представить міръ безъ идеи—значитъ представить сборъ различныхъ явленій, не имѣющихъ никакого смысла. Трудно представить, чтобы и отдѣльное явленіе въ мірѣ лишено было идеи; тѣмъ болѣе нужно сказать это о цѣломъ мірѣ. Если міръ нельзя признать лишоннымъ идеи, то нужно признать и высшее существо, которое развиваетъ эту идею. Это тѣмъ неизбѣжнѣе, когда мы обратимъ вниманіе на часть міра,—человѣка. Представить себѣ человѣка безъ идеи, безъ цѣли, безъ назначенія, значитъ представить человѣчество скопищемъ безцѣльныхъ существъ. Другое, что представляется при взглядѣ на міръ, есть единство въ цѣломъ мірозданіи. Разсматривая міръ, мы видимъ безконечное разнообразіе въ бытіи предметовъ, видимъ разнообразіе въ частномъ бытіи и вмѣстѣ съ тѣмъ единство плана и цѣли. Необходимо признать, что это единство произошло оттуда, откуда и бытіе міра, отъ высочайшаго Существа; необходимо предположить также причину, которая сохраняетъ это единство, словомъ — бытіе промысла. Далѣе, мы замѣчаемъ въ мірѣ различныя и постоянныя кажущіяся противорѣчія: великое и малое, крѣпкое и слабое, разумное и неразумное—все это смѣшивается въ мірѣ, сталкивается и борется; все это поражаетъ человѣка. Здравая логика не можетъ не допустить, что въ основѣ этихъ противорѣчій должны лежать законы для соглашенія ихъ. Никакая наука противорѣчій не допускаетъ. Есть стало быть законы, которыми соглашаются эти противорѣчія; необходимо допустить источникъ, откуда происходятъ законы, соглашающіе эти противорѣчія; необходимо, чтобы эти законы происходили отъ виновника бытія міра; слѣдовательно необходимо бытіе Промысла. Эти логическія доказательства не нужно считать только формальными: они совершенно положительны и реальны, потому что какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и физическомъ есть своя логика. Простому взгляду трудно примѣтить эту логику, но при взглядѣ, болѣе углубленномъ, нельзя не замѣтить въ явленіяхъ міра физическаго общенія силъ и ихъ взаимодѣйствія. Пока человѣкъ не

понималъ этой міровой логики, и управленіе міромъ казалось ему смутнымъ. Въ послѣднее время наука не только не можетъ отвергнуть идеи промысла, но волею или неволею доказываетъ ее. Открывая связь между явленіями міра, она не можетъ не допустить міроуправляющаго ума. Если въ мірѣ физическомъ есть своя логика, то тѣмъ болѣе она должна имѣть мѣсто въ мірѣ человѣческомъ. И здѣсь должны быть законы. Трудно правда постигать законы міра человѣческаго. Нельзя не признать, что человѣческій умъ еще мало созрѣлъ для того, чтобы постигать законы нравственнаго міра. Уже давно были попытки проникнуть въ эти законы. Въ католичествѣ эту попытку дѣлалъ Боссюэтъ, въ протестантствѣ—Мюллеръ и оба пришли къ противоположнымъ, одинаково произвольнымъ, выводамъ. Боссюэтъ проводитъ идею искупленія чрезъ все человѣчество и приходитъ къ папству; Мюллеръ—къ реформаціи. Но нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ на основаніи однихъ крупныхъ выдающихся явленій приходить къ общимъ заключеніямъ, особенно въ мірѣ нравственномъ. Здѣсь все имѣетъ связь. Каждая отдѣльная личность имѣетъ значеніе и связь съ общимъ. Каждый человѣкъ имѣетъ свою долю значенія; оттого повидимому малыя обстоятельства ведутъ иногда къ широкимъ послѣдствіямъ. Довольно для примѣра указать, что исторія 30-ти лѣтней войны произошла вслѣдствіе ссоры двухъ женщинъ; причиною восточной войны полагается оскорбленіе святыхъ мѣстъ, но эта причина не первоначальная: первоначальная причина — ссора русскаго консула съ іерусалимскимъ пашей. Никакое ничтожное событіе въ человѣческомъ мірѣ не остается безъ послѣдствій. Если бы мы могли разложить исторію человѣчества, подобно химику, на ея составныя части, то увидѣли бы, что тутъ самыя мелкія явленія играютъ весьма важную роль и что между всѣми явленіями есть неразрывная связь. А если такъ, то долженъ же быть умъ, который управляетъ исторіею человѣчества, даетъ ей идею; должна быть воля, которая стремится осуществить эту идею; должна быть сила, дѣйствительно осуществляющая ее.

Мы сказали, что въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, есть связь между причинами и дѣйствіями; слѣдова-

тельно есть законы. Какіе это законы, этого опредѣлить во всѣхъ частностяхъ нельзя, потому что наблюденія надъ нравственнымъ міромъ слишкомъ еще отрывочны. Тѣмъ не менѣе о законахъ нравственнаго міра можно дѣлать заключенія по аналогіи съ законами физическаго міра, такъ какъ между тѣмъ и другимъ міромъ есть связь. Задача законовъ физическихъ—развить въ себѣ то, что въ нихъ есть. Часть цѣлаго развивается здѣсь по такимъ же законамъ, какъ и цѣлое. Такъ мы видимъ, что зерно даетъ дерево, а это опять даетъ зерна, отъ которыхъ развиваются дерева. Такимъ образомъ мы находимъ, что въ природѣ имѣетъ мѣсто постоянное развитіе и на этомъ основаніи заключаемъ, что общій законъ міра физическаго есть развитіе тѣхъ силъ и средствъ, которыя въ немъ заключаются. Подобно этому и законы нравственнаго міра обнаруживаются въ развитіи силъ и средствъ, которыя въ немъ заключаются; и здѣсь законъ развитія является основнымъ закономъ съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ происходитъ дѣло механически, а во второмъ—сознательно. Слѣдовательно назначеніе міра нравственнаго должно состоять въ томъ, чтобы онъ въ своихъ предѣлахъ развивалъ всю массу силъ и средствъ, въ немъ заключающихся.

Въ этомъ развитіи міра нравственнаго есть одно явленіе, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе: это борьба нравственныхъ силъ. Она проявляется въ разныхъ видахъ: то какъ борьба идей и мыслей, то какъ борьба разнородныхъ нравственныхъ стремленій, или борьба добра и зла. Что это за борьба? Какая ея цѣль? Допустимъ, что эта борьба неизбѣжна, потому что сознаніе въ недѣлимыхъ не можетъ развиваться одинаково. Но оправдываетъ ли эта борьба идею Промысла? При наблюденіи поверхностномъ, борьбу зла съ добромъ трудно согласить съ идеею промысла; однако самый фактъ существованія этой борьбы доказываетъ, что есть Промыслъ, потому что при борьбѣ разнородныхъ стремленій нравственный міръ не могъ бы существовать, если бы не было промысла; но если этотъ міръ не уничтожился, то ясно, что есть сила, которая управляетъ этою борьбою. Правда, эта борьба иногда представляетъ странныя явленія, трудно согласимыя съ идеею промысла; но прежде

всего нужно замѣтить, что эти явленія частныя, а отъ частнаго нельзя заключать къ общему. Намъ опять помогаетъ тутъ физическая природа, въ которой происходятъ иногда самыя безпорядочныя повидимому явленія, напр. бури, ураганы. Не смотря на эти безпорядки, природа физическая не гибнетъ; напротивъ кажущіеся безпорядки способствуютъ развитію цѣлаго; и новѣйшая наука указываетъ законы этихъ явленій. Это помогаетъ намъ и въ разъясненіи безпорядковъ въ мірѣ нравственномъ, гдѣ часто борьба вырабатываетъ много добрыхъ явленій. По здравому разсужденію, должна быть цѣль этой борьбы; а если есть цѣль, то эта цѣль должна быть положительно добрая; а отсюда нужно допустить, что есть умъ, есть воля, которые управляютъ этою борьбою. Тоже нужно сказать и о понятіяхъ „счастія“ и „несчастія“, которыя составлены по нашимъ соображеніямъ. Какъ только извѣстное явленіе не подходитъ подъ наши личныя соображенія, мы называемъ его несчастіемъ, забывая, что мы составляемъ только часть цѣлаго, что, очень можетъ быть, наше повидимому несчастіе доставляетъ счастіе тысячѣ недѣлимыхъ. Нужно смотрѣть на несчастіе какъ на фактъ, имѣющій свой смыслъ въ цѣломъ, и на самыя страданія нужно смотрѣть подобно тому какъ на безпорядки въ мірѣ физическомъ, т. е. какъ на явленія соотвѣтствующія извѣстнымъ цѣлямъ. При такомъ взглядѣ, если не все зло, то значительная его часть окажется не зломъ, а неизбѣжностію въ цѣломъ, неизбѣжностью впрочемъ не въ гегеліанскомъ смыслѣ, не въ смыслѣ чего-то роковаго, а въ смыслѣ чего то цѣлесообразно-логическаго, что отнюдь не исключаетъ свободы. Мы видимъ, что когда человѣкъ живетъ безъ борьбы, тогда онъ легко доходитъ до апатіи. Такъ бываетъ и въ обществѣ, такъ было и въ исторіи. Наблюдая надъ развитіемъ науки, мы видимъ, что научныя открытія добыты путемъ борьбы. Точно также и въ мірѣ нравственномъ лучшія нравственныя понятія выработывались путемъ борьбы за нравственные идеалы. Разсуждая такимъ образомъ, мы не можемъ не сдѣлать заключенія объ управленіи промысла въ мірѣ нравственномъ. Управленіе это не только не унижаетъ человѣка, какъ говорятъ нѣкоторые, не больше возвышаетъ его. Если бы предоставить человѣка самому себѣ, то необходимо, чтобы онъ самъ

развилъ планъ жизни а для этого нужны бы были милліоны лѣтъ; жизнь тогда была бы самая незавидная; борьба тогда ничѣмъ инымъ не кончилась бы, какъ зломъ. Напротивъ, тутъ-то и возвышается человѣкъ, когда имъ управляетъ высочайшій умъ.

Чтобы выяснить сущность борьбы между добромъ и зломъ, нужно выяснить понятіе о добрѣ и злѣ, нужно выяснить, можно ли по понятію добра судить о злѣ, и наоборотъ. Что такое добро? Естественно, что понятіе о добрѣ нужно заимствовать изъ дѣйствительности; но такъ какъ область дѣйствительности велика и разнообразна, то намъ нужно заимствовать это понятіе изъ самой сущности бытія. Для разъясненія этого понятія мы находимъ указаніе въ божественномъ Откровеніи: *и видѣ Богъ, яко добро*—сказано въ св. Писаніи о явленіи свѣта. Здѣсь свѣтъ называется добромъ, потому что свѣтъ является первымъ движеніемъ жизни, что согласно и съ наукою, по которой міръ въ первоначальномъ видѣ былъ туманомъ. Такимъ образомъ свѣтъ въ этомъ отношеніи сообщаетъ намъ первоначальное понятіе о добрѣ. Точно также и въ дальнѣйшемъ твореніи міра Богъ употребляетъ названіе „добра“, когда означается развитіе и совершенствованіе жизни. Такимъ образомъ то, что служитъ къ развитію и совершенствованію жизни, и есть добро; а зло есть то, что препятствуетъ этому развитію. Далѣе: мы замѣчаемъ, что жизнь міра существуетъ и развивается не иначе, какъ поглощеніемъ одной жизни другою; такъ, напр. въ камнѣ жизнь держится организованіемъ частей въ одно цѣлое, и слѣдовательно поглощеніемъ частей, которыя могли бы существовать отдѣльно. Если признать, что части гранита представляютъ не что иное, какъ окаменѣлыя инфузоріи, то это еще будетъ понятнѣе. Растеніе также живетъ поглощеніемъ другихъ жизней: оно поглощаетъ воду, воздухъ, свѣтъ и развивается только тогда, когда зародышъ сгніетъ. Животныя питаются не иначе, какъ растеніями и другими живыми существами. Въ человѣкѣ еще болѣе рѣзко обнаруживается подобное поглощеніе. Само собою разумѣется, что такое поглощеніе нельзя назвать иначе, какъ смертію; слѣдовательно, въ самой основѣ бытія лежитъ борьба между жизнію и смертію. Почему же міръ не устроенъ иначе? Это объясняется тѣмъ, что все въ мірѣ существуетъ взаимодѣйствіемъ, при которомъ не-

избѣжны взаимныя столкновенія и уступки; если бы не было въ мірѣ взаимодѣйствія, то не было бы и жизни, и міръ не могъ бы существовать. При этомъ необходимо, чтобы низшее развитіе служило опорою для высшаго, причомъ опять неизбѣженъ законъ поглощенія. Отсюда рождается вопросъ: есть ли зло? Разсуждая философски, нельзя допустить зла физическаго, потому что нельзя считать зломъ то, что составляетъ законъ. Возьмемъ какую нибудь стихію природы, напр. огонь. Огонь составляетъ одну изъ необходимыхъ стихій, но онъ иногда производитъ разрушительныя дѣйствія. Можно ли назвать зломъ то, что огонь жжетъ? Можно ли также назвать зломъ то, что вода потопляетъ тяжести? Что же нужно назвать зломъ? Конечно, нельзя назвать добромъ разрушительнаго дѣйствія стихій. Но зло заключается только въ случайныхъ явленіяхъ, а не въ сущности стихій. Огонь не будетъ разрушителенъ, когда будетъ находиться въ должныхъ границахъ. Разсуждая такимъ образомъ, мы приходимъ къ мысли, что зло, какъ случайное явленіе, не такъ ужасно, какъ если бы оно было постоянно. Но все-таки остается вопросъ: откуда же зло? Изъ тѣхъ соображеній, которыя мы изложили, вытекаетъ, что тутъ должна быть причина не физическая, а нравственная, потому что мы видѣли, что стихіи не производили бы зла, если бы поставлены были въ должныхъ границахъ. Міръ нравственный заключается въ человѣчествѣ, слѣдовательно тутъ и нужно искать разгадки борьбы, которая составляетъ зло. При этомъ является вопросъ: есть ли въ человѣкѣ зло? Философы приходили къ мысли, что зло заключается въ ограниченности. Но странно ограниченность называть зломъ; это скорѣе недостатокъ. Слѣдовательно причину зла нужно искать въ другомъ. Въ этомъ случаѣ мы, минуя физическую сторону человѣка, обратимся къ нравственной. При первомъ взглядѣ на человѣка, мы не видимъ въ немъ того механизма, который замѣчается въ прочихъ существахъ. Самое первое проявленіе жизни человѣка показываетъ, что онъ является, если не господиномъ, то съ задатками господства. Съ развитіемъ въ немъ замѣчается сила разумнаго сознанія. Въ силу этого сознанія человѣку слѣдовало бы постоянно нравственно совершенствоваться; но мы находимъ наибольшую борьбу нравственныхъ силъ тамъ, гдѣ онѣ широко развиты.

Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что здоровыя силы требуютъ большаго развитія, а при этомъ необходима борьба. Но замѣчательно то, что тутъ происходитъ разладъ. Этотъ разладъ продолжается всю жизнь человѣка, и нельзя указать момента, когда бы онъ прекращался. Борьба въ нравственномъ мірѣ представляетъ явленіе объяснимое. Но то, что эта борьба производитъ дисгармонію — это составляетъ загадку, которую одинъ отецъ церкви назвалъ непостижимымъ таинствомъ жизни. Приписывать это зло физическимъ силамъ—несправедливо; причины его слѣдуетъ искать въ свободѣ. Какимъ же образомъ свобода служитъ причиною зла т. е. препятствіемъ къ развитію? Предполагать тутъ въ человѣкѣ намѣренный выборъ зла—странно. Такимъ образомъ, какъ ни разсматривать явленіе зла въ человѣкѣ, все-таки нельзя подойти къ нему иначе, какъ чрезъ разсмотрѣніе первоначальнаго состоянія человѣка. Откуда мы можемъ знать о первоначальномъ состояніи человѣка? Внѣ божественнаго источника мы ничего объ этомъ не можемъ знать. Новѣйшая наука допускаетъ происхожденіе человѣка путемъ естественнаго развитія, но и она этотъ вопросъ считаетъ нерѣшеннымъ. Но вотъ нить, которая даетъ средство разрѣшить недоумѣніе. Мы сказали, что силы физическія можетъ держать въ должномъ порядкѣ только умъ. Отсюда ясно, что причина зла заключается въ самомъ человѣкѣ, когда онъ не умѣетъ пользоваться силою, или когда даетъ ей превратное направленіе; а это оттого, что человѣкъ имѣетъ не только связь съ міромъ физическимъ, но имѣетъ и вліяніе на него. При этомъ вліяніи возникаютъ разнохарактерныя явленія съ той и другой стороны—со стороны міра и человѣка: стоитъ только человѣку не такъ приложить сознательныя силы къ міру физическому, стоитъ только міру физическому не такъ подойти къ дѣйствію человѣка, какъ является борьба. Что за причина, которая располагаетъ человѣка къ подобному дѣйствію? Въ этомъ не всегда человѣкъ виновенъ: часто это происходитъ отъ физическихъ причинъ, заключающихся въ самомъ человѣкѣ, или въ его ограниченности. Ребенокъ, который знаетъ, что огонь жжетъ, но не знаетъ его разрушительной силы, можетъ своимъ дѣйствіемъ произвести пожаръ. Зло здѣсь въ явленіи, потому что по существу дѣла нельзя об-

винять огонь въ томъ, что онъ жжетъ, нельзя обвинять и ребенка. Но какъ скоро ребенокъ становится причиною зла, вслѣдствіе неразвитія, то причиною ограждающею отъ зла должно быть высшее духовное развитіе, и здѣсь такимъ образомъ дѣйствительную причину зла нужно искать въ нравственной сторонѣ человѣка, которая подлежитъ особымъ законамъ, и если бы мы могли такъ же анализировать нравственный міръ, какъ міръ физическій, то мы могли бы указать эти законы.

Мы видимъ, что вліяніе человѣка на міръ физическій не рѣдко сопровождается зломъ. Такъ, земля назначена для того, чтобы служить человѣку на пользу, но она иногда производитъ голодъ. Здѣсь человѣкъ виноватъ иногда тѣмъ, что худо ее обработывалъ. Животныя дѣлаются врагами человѣка часто потому, что человѣкъ самъ ихъ раздражаетъ. Какія же причины побуждаютъ человѣка вліять такъ на міръ? Онъ дѣлается врагомъ міра физическаго, и въ свою очередь самъ дѣлается врагомъ себѣ. Разсматривая жизнь человѣка, мы видимъ, что вся она есть не что иное, какъ борьба. Нельзя указать эпохи въ жизни человѣка, когда бы онъ наслаждался миромъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Изъ законовъ міра физическаго видно, что борьба происходитъ вслѣдствіе нарушенія равновѣсія силъ. Мы видимъ, что преобладаніе одной силы надъ другими и въ человѣкѣ производитъ борьбу. Этотъ перевѣсъ въ крайнемъ своемъ развитіи обращается въ то, что называется страстью. Отчего происходитъ въ человѣкѣ такое нарушеніе силъ и можетъ ли человѣкъ предупреждать это нарушеніе? Мы часто видимъ, что человѣкъ не можетъ владѣть собою. Это явленіе нельзя назвать иначе, какъ болѣзнію. Откуда же эта болѣзнь? Если мы будемъ разсматривать человѣка въ настоящемъ его состояніи, то причины не найдемъ, потому что тутъ видимъ только послѣдствія; если мы обратимся къ предъидущимъ временамъ, то и тамъ увидимъ тоже самое; остается искать причины этой ненормальности въ началѣ бытія человѣка, или во внѣ или внутри его, но такъ какъ внѣшнія причины не могли и въ началѣ имѣть на него такого вліянія, которымъ объяснялось бы происхожденіе зла, то значитъ причины эти нравственныя, заключающіяся въ самомъ человѣкѣ. Такимъ образомъ мы путемъ анализа

доходимъ до истинной причины происхожденія зла—открытой въ божеств. Откровеніи. Намъ остается теперь эти данныя приложить къ идеѣ божественнаго Промысла. Если есть зло и оно — въ человѣкѣ, то есть ли промыслъ? При рѣшеніи этого вопроса довольно ограничиться самою простою истиною: когда есть разстройство, есть безпорядки и эти безпорядки не сопровождаются разрушеніемъ, то необходимо допустить силу, которая бы сдерживала эту борьбу. Причина этой борьбы, заключающаяся въ человѣкѣ, еще болѣе доказываетъ бытіе Промысла. Если и человѣкъ, высшее твореніе, страдаетъ, то необходимо допустить Существо самодовольное, гармоничное. Съ другой стороны странно предположить, чтобы человѣкъ брошенъ былъ на волю судьбы, тѣмъ болѣе странно, что тутъ борются силы не физическія, а духовныя, хотя и ограниченныя. Есть стало быть высшая Основа, на которой держится разумная, ограниченная сила. То, что мы называемъ смертію, само по себѣ есть чисто физическое явленіе; въ человѣкѣ смерть есть перемѣна формы бытія. Но эта смерть, уничтожающая повидимому физическое бытіе, не только не опровергаетъ безсмертія, но болѣе его доказываетъ: если бытіе физическое разлагается, то духовная жизнь должна существовать вѣчно. Если необходимо допустить такое безконечное бытіе, то необходимо допустить и высшую нравственную Силу, которая царствуетъ въ безконечномъ царствѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки